

Научная статья

УДК 343.3

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-84-93

Максим Викторович Бавсун

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Александр Николаевич Пирожников

<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

Главное управление МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 50/52

Подходы к классификации иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым против интересов Российской Федерации

Аннотация: **Введение.** Проблема иного – не репрессивного воздействия на лиц, признанных виновными в совершении преступлений в отечественном уголовном праве и законодательстве, на сегодняшний день не является решенной, вызывая острую полемику на всех уровнях ее обсуждения. Это в том числе касается вопросов классификации мер подобного рода, их соотношения с наказанием, пределов применения, самого статуса и т. д. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили базовые положения диалектического метода познания, общенаучные и частно-научные методы, такие, как сравнительно-правовой, конкретно-социологический, формально-логический, системный и исторический. **Результаты.** Существует достаточно стойкая направленность иных мер уголовно-правового характера, применяемых за преступления против интересов Российской Федерации. Во-первых, использование их потенциала должно происходить исключительно в случаях совершения преступлений определенного рода, во-вторых, целесообразность их применения как в дополнение к наказанию, так и самостоятельно, видится в случаях отказа виновного от сотрудничества [12, с. 63] в части выявления иностранных агентов или агентов влияния (иноагентов), а также непримиримости к существующей власти и транслируемой ею идеологии, в-третьих, все они в той или иной степени строятся на ограничениях и лишениях базовых конституционных прав и свобод человека. Поставлен вопрос о видовой дифференциации средств принуждения в отношении определенных групп преступлений, который на данный момент в современной литературе практически не обсуждается, находясь за пределами отечественной уголовно-правовой доктрины. Вместе с тем именно данное направление развития иных мер уголовно-правового характера представляется приоритетным, а постановка вопроса об их классификации выглядит крайне своевременной и актуальной. Решение этой проблемы с неизбежностью повлечет за собой и ответы на многие другие вопросы как теоретического, так и сугубо практического свойства, облегчив таким образом решение глобальной задачи – противодействия преступности. Что характерно, в нашем случае речь идет о противодействии ее определенной направленности, а именно, создающей угрозы интересам Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, иные меры уголовно-правового характера, репрессия, ссылка, высылка

Для цитирования: Бавсун М. В., Пирожников А. Н. Подходы к классификации иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 84–93; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-84-93.

Maxim V. Bavsun

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

St. Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchik Pilyutov str., St. Petersburg, 198206, Russian Federation

Alexander N. Pirozhnikov

<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

*Main Department of the MIA of Russia for St. Petersburg and Leningrad region
50/52, Suvorovsky ave., Saint-Petersburg, 191015, Russian Federation*

Approaches to the classification of other measures of criminal-legal nature aimed at countering offences, committed against the interests of the Russian Federation

Abstract: Introduction. The problem of non-repressive impact on persons convicted of committing crimes in national criminal law and legislation is not solved to date, causing a sharp polemic at all levels of its discussion. This includes the issues of classification of measures of this kind, their correlation with punishment, the limits of application, the status itself, etc. **Methods:** the methodological basis of this research was formed by the basic provisions of the dialectical method of cognition, general scientific and private-scientific methods, such as comparative-legal, concrete-sociological, formal-logical, systemic and historical. **Results.** There is a rather persistent orientation of other measures of criminal-legal nature applied for offences against the interests of the Russian Federation. Firstly, the use of their potential should occur exclusively in cases of committing crimes of a certain kind. Secondly, the expediency of their application, both in addition to punishment and independently, is in cases of the perpetrator's refusal to cooperate [12, p. 63] in terms of identifying foreign agents or agents of influence (foreign agents), as well as intransigence to the existing state power and its ideology. Thirdly, all of them are based on restrictions and deprivation of basic constitutional rights and freedoms of a person. The question of type differentiation of means of enforcement in relation to certain groups of offences, is practically not discussed at the moment in modern literature being outside the national criminal-legal doctrine. At the same time, this direction of development of other measures of criminal-legal nature seems to be a priority, as well as the question of their classification seems to be extremely actual and relevant. The solution of this issue will inevitably provide answers to many other questions of both theoretical and purely practical nature, thus facilitating the solution of the global task of fighting crime. In our case, we deal with countering threats to the interests of the Russian Federation.

Keywords: criminal-legal impact, other measures of criminal-legal nature, repression, exile, expulsion

For citation: Bavsun M. V., Pirozhnikov A. N. Approaches to the classification of other measures of criminal-legal nature aimed at countering offences, committed against the interests of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 84–93; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-84-93.

Введение

Основная проблема любой классификации заключается в поиске того критерия, который должен быть положен в ее основу. По сути, именно от его выбора напрямую зависит не просто деление исследуемого явления на те или иные группы, а возможность сделать вывод о его структурных элементах, а также внутренних и логических взаимосвязях между ними, обеспечивая таким образом, возможность их более эффективного использования при непосредственном применении. Не являются в этом отношении исключением и иные меры уголовно-правового характера, до сегодняшнего дня так и не получившие соответствующей как законодательной, так и доктринальной оценки в данной части. Тем более крайне сложно пока вести речь о вопросах классификации внутри уже выделенной группы (типа) мер подобного рода, особенно если учесть тот факт, что выделения таких групп пока так и не состоялось ни на официальном, ни на теоретическом уровнях.

Методы

При разработке критериев, необходимых для дальнейшей видовой дифференциации мер иного характера, применялись методы систематизации научных знаний и анализа нормативных правовых актов, а также научных работ авторов, исследующих направления российской уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности. Посредством сравнительно-правового метода установлен критерий способности мер не просто ограничивать личную свободу человека, а ограничивать ее территориально.

Результаты

На наш взгляд, речь необходимо вести и о более глубинных процессах в рамках всей проблематики классификации мер иного воздействия в уголовном праве. В первую очередь на это указывает давно возникшее состояние неопределенности в решении вопроса разделения на группы внутри всей массы мер иного характера. В этом отношении перспективной представляется разработка критериев, необходимых для дальнейшей видовой дифференциации исследуемых мер. Прежде всего это важно для формирования общего представления (его понимания) о явлении, без которого создание законодательного материала в последующем становится практически невозможным, либо его содержание окажется разрозненным и неструктурированным, не достигая при этом тех целей и задач, которые ставятся изначально. Полагаем также, что речь должна идти о его видовой направленности, позволяющей создать требуемую базу для группирования конкретных видов иных мер уголовно-правового характера за преступления против интересов Российской Федерации по отдельным признакам либо группам таких признаков.

Следует отметить, что существует достаточно стойкая направленность иных мер уголовно-правового характера, применяемых за преступления против интересов Российской Федерации. Во-первых, использование их потенциала должно происходить исключительно в случаях совершения преступлений определенного рода, во-вторых, целесообразность их применения как в дополнение к наказанию, так и самостоятельно, видится в случаях отказа виновного от сотрудничества [12, с. 63]¹ в части выявления иностранных агентов или агентов влияния (иноагентов), а также непримиримости к существующей власти и транслируемой ею идеологии, в-третьих, все они в той или иной степени строятся на ограничениях и лишениях базовых конституционных прав и свобод человека.

Говоря о первой составляющей, а именно, той категории преступлений, за которые должны назначаться иные меры уголовно-правового характера, необходимо учитывать тот негативный потенциал данных деяний, который способен сказываться не на отдельно взятом индивиде или даже их группе, а в целом на общественном сознании, будучи способным иметь необратимый эффект. Неуправляемость и массовость воздействия наряду с целенаправленностью и доступностью технологий совершения преступлений подобного рода указывают и на необходимость выбора соответствующих мер, в том числе, а может быть, и в особенности, иного характера. Во многом это обусловлено их способностью повлиять именно на причину совершения таких посягательств, а не их следствие. С учетом обозначенных выше доступности современных технологий при наличии соответствующих материальных и организационных возможностей и их целевой принадлежности очевидным является факт, что ключевым в таких случаях является сам субъект преступления, и его

¹ «...то есть добровольно не выполнивших позитивные требования уголовно-правовых норм...».

личностные характеристики [8, с. 106]². Такие, например, как степень осведомленности и убежденности в том, что он делает, стремление охватить как можно большее количество населения, распространяя антигосударственные убеждения, категории этого населения – возрастные особенности, образование и пр., вовлечение в подобные действия других людей, готовность действовать любыми методами или ограниченность строго определенными способами и многое другое, способное облегчить преступную деятельность, причинив при этом максимальный вред сложившимся общественным отношениям [1, с. 75–77].

Отсюда, субъект преступления в совокупности с его личностными характеристиками, которые перечислены выше, а также ряд других особенностей, выступают в качестве одного из критериев классификации иных мер уголовно-правового характера, будучи способными определить их сущность. В свою очередь, обращая внимание на существующие сегодня у любого, у кого возникло желание совершить преступления подобного рода, значительные возможности к доступности технологий и их массовый характер воздействия, как правило, наряду с внешней управляемостью самого субъекта преступления, говорить можно только о его полной или частичной изоляции от общества. Исключение возможности доступа к средствам распространения информации, к человеческому ресурсу и, как следствие, невозможность оказания воздействия на общественное сознание в таких ситуациях выступает в качестве первоочередной задачи государства. При этом изоляция виновного посредством реализации наказания в виде лишения или ограничения свободы (домашнего ареста или запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) в период предварительного следствия и судебного разбирательства), вполне может сохраняться в ситуациях подобного рода, но в то же время не должна выступать единственным средством воздействия, оставляя место для иного, нерепрессивного влияния на человека. Изоляция как таковая не состоит исключительно в установлении ограничений на физическую свободу человека и носит гораздо более многоаспектный характер³. Она может состоять в изъятии виновного из его микросреды, из того его состояния и положения, которое предполагает наличие у него перечисленных выше возможностей как технического, так финансового, организационного и прочего характера [13, с. 92–94]. С учетом отсутствия необходимости в репрессивности воздействия и, наоборот, стремления избежать его карательной составляющей [2, с. 17–19] либо в дополнение к ним, уже после реализации указанного компонента государственного принуждения, но сохранившейся потребности в исключении (или частичном ограничении) лица из социума, важную роль должна выполнять альтернатива, также имеющая уголовно-правовое происхождение.

Такое изъятие может предполагать либо преимущественно физическое (территориальное, географическое) перемещение лица, либо информационную изоляцию (т. е. ограничение права использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»).

В качестве таковой должны быть иные меры уголовно-правового характера, критерием выделения которых выступают их способность не просто ограничивать личную свободу человека, а ограничивать ее территориально. То есть, при завершении или отказе от репрессивного элемента, но сохранении потребности в изъятии лица из привычной для него среды, у государства должен существовать указанный механизм в виде конкретных мер уголовно-правового характера, иначе потом, при возникновении реальной угрозы (как это и происходит сейчас в условиях проведения СВО на Украине и действий ее, а также западных спецслужб на территории России), будет уже поздно.

Предпосылки формирования такого подхода в уголовном праве существуют и в отечественном административном законодательстве – высылка из страны (депортация), и в истории развития российского и зарубежного уголовного законодательства – ссылка, и даже ее разновидности. Оба средства, не используемые сегодня уголовным законодательством, тем не менее, потенциально представляют интерес как для уголовно-правовой доктрины, так и для правотворца, особенно с учетом современной геополитической и внутривнутриполитической ситуации в нашей стране. Несмотря на предлагаемый статус, они, безусловно, сделают более строгим уже существующий подход, сформированный в части государственного

² Именно личность преступника довольно часто становится причиной для установления особых средств воздействия, применяемых только для данного его типа. Например, в Западном уголовном законодательстве распространена такая мера уголовно-правового характера, как химическая кастрация, которая применяется исключительно к тем, кто совершил насильственные преступления сексуальной направленности.

³ Собственно, «привязка» к той или иной отрасли права неуместна изначально. Важно само толкование термина – изоляция в русском языке, а не его принадлежность к каким-либо процессам, явлениям, видам, способам, категориям или отраслям. Важен итог, а именно, отделение одного человека от других, от общества и тех процессов, которые в нем происходят, а абсолютное большинство индивидов в нем задействовано.

принуждения к лицам, признанным виновными в совершении посягательств подобного рода. Вопрос лишь в механизме их реализации на современном этапе развития государства и общества, в деталях и особенностях их правовой регламентации, а также возможного применения.

Как бы то ни было, оба средства способны обеспечить ту самую изоляцию виновного, которая столь необходима при совершении посягательств подобного рода. Они соответствуют выделенному нами критерию, где изоляция лица составляет сущность, саму идею видовой классификации иных мер уголовно-правового характера, применяемых за преступления против интересов Российской Федерации.

Вопрос в данном случае стоит лишь в том, к кому данные меры будут применяться и найдут ли они соответствующий отклик в практической деятельности. Полагаем, в первую очередь это, безусловно, гражданство виновного, особенно если мы ведем речь о высылке из страны. Применительно к гражданам России данная мера вряд ли будет применима с позиции многих аспектов, от конституционного до международного. Статуса депортируемого из своей страны при отсутствии гражданства другого государства пока не существует. Скорее всего, речь должна идти о лицах, имеющих двойное гражданство, и тех, кого сегодня можно депортировать из страны в рамках административно-правового регулирования. Необходимо говорить о так называемом двойном статусе меры государственного принуждения – административно-правовом и уголовно-правовом, трансформация которого должна происходить в соответствии с теми последствиями, которые должны следовать за практическим применением каждой из них.

Во-первых, реализация данного средства в качестве уголовно-правового должна полностью исключать возможность повторного возвращения на территорию Российской Федерации. По сути, это исключительная мера воздействия для лиц, совершивших преступления против интересов государства [5, с. 23–25]⁴, в плане полного устранения возможности оказания непосредственного влияния на сознание людей, находясь внутри страны, используя при этом весь доступный ресурс – от организационного до технического.

Во-вторых, ее применение должно происходить только в случаях совершения преступлений, а не административных правонарушений, даже однородного характера – причем преступлений строго определенной направленности, и только при полном отказе виновного от сотрудничества в части выявления иностранных агентов, а также агентов влияния. На фоне откровенного отрицания официальной идеологии (непримиримости лица), а соответственно, и власти, игнорирование содействия, выраженное в активной форме, должно приводить лишь к пропорционально-адекватному ужесточению воздействия, что, собственно, и предлагается в рамках настоящего осмысления проблемы.

В-третьих, предлагаемая мера должна находиться в русле международных договоренностей на уровне двух стран, так как уголовно-правовая депортация, впрочем, как и административно-правовая, может происходить исключительно в ту страну, гражданином которой является виновное лицо. В связи с этим наличие даже информационно-уведомительного канала связи с государством, в которое осуществляется высылка лица, совершившего преступление против интересов Российской Федерации, является важным с позиции понимания каждой из сторон тяжести наступивших для этого человека последствий в нашей стране, а также тех возможностей, которые сохраняются в той стране, куда депортируется преступник. Речь идет в первую очередь о факте наличия / отсутствия у соответствующих структур в принимающей стороне возможности выдачи нового разрешения на въезд в Российскую Федерацию, а также о тех мерах, которые должны быть приняты к нему на территории своего государства.

Важно при этом понимать, что если первое и второе условия носят исключительно уголовно-правовое происхождение и должны найти соответствующее проявление в содержании конкретной уголовно-правовой нормы, то третье в чистом виде организационно-правовое, и находит свое выражение уже на уровне международно-правовых документов и обмена информацией между странами.

В то же время жесткость подхода не следует воспринимать как посягательство на демократические основы общества и возврат к тоталитаризму, а предлагаемые изменения требуются оценивать как необходимую защиту от внешних и внутренних угроз, способ сохранить государство, власть и национальную идентичность. Полагаем, что такой позитивный сдвиг в сознании крайне важен, а сами изменения должны сохраниться

⁴ Как исключительную меру уголовно-правового характера в современной юридической литературе рассматривают конфискацию имущества.

в уголовном законодательстве вне зависимости от трансформации геополитической ситуации в мире, поддерживая высокий потенциал уголовного законодательства на случай обратных процессов [9, с. 24]⁵. На этот счет (но только применительно к мерам процессуального принуждения) еще в 1968 году высказалась В. И. Каминская, которая отмечала, что «пока существует преступность, особенно в ее наиболее тяжких формах, сама постановка вопроса о каком-либо существенном сокращении мер процессуального принуждения вряд ли может быть признана перспективной и плодотворной» [7, с. 28].

К сожалению, по прошествии более чем пятидесяти лет ситуация в данном плане если и изменилась, то лишь в худшую сторону. Преступность трансформируется, но не снижается, а если рассматривать ее объективные показатели, то и существенно растет. Между тем количественное и качественное содержание государственного принуждения к лицам, совершившим преступления, практически никак не поменялось, а в случае с преступлениями против государства даже наоборот, мы наблюдаем их стабильную гуманизацию. Вполне естественно, что очевидность поиска новых средств уголовно-правового воздействия в современных условиях не может вызывать каких-либо сомнений, а их жесткость также не должна вызывать отторжения. Эффективность, целесообразность, результативность предлагаемых средств противодействия, должны выступить в качестве основного критерия их появления в уголовном законодательстве. Именно способность к опережающему воздействию на преступность должна оказывать решающее влияние на принятие решения государством о включении того или иного средства в отечественный Уголовный кодекс. Собственно, в этом и заключается идея общего предупреждения преступности, согласно которой у государства имеется возможность «...демонстрации имеющихся в арсенале средств еще до факта совершенного преступления и, в отличие от непосредственной реализации мер принуждения, направленного на недопущение самого факта преступной деятельности, а не на устранение его последствий» [11, с. 59]. То есть уголовно-правовое воздействие должно осуществляться еще до момента возникновения отношения по поводу уже совершенного лицом преступления.

В современных условиях с учетом складывающейся обстановки, а также исторической подоплеку данного вопроса полагаем, что можно ставить вопрос и о другой мере уголовно-правового характера, относящейся к данной классификационной группе – ссылке. Имея историческую ретроспективу, ссылка, но только без ограничений, связанных с государственно-правовым статусом виновного, вне зависимости от его гражданства, вполне применима и сегодня. Учитывая географические особенности нашей страны, проблемы экономического освоения отдельных ее регионов, климатических, логистических и прочих условий, серьезно влияющих на количество проживающего там населения, потребность в человеческом ресурсе зачастую является по-настоящему колоссальной. Вопрос, как представляется, заключается в психологии восприятия новой для современного этапа, но хорошо известной для предыдущих периодов развития общества, меры уголовно-правового характера [10, с. 86–90]⁶. Важна ее переоценка с позиции современных условий и способности оказать серьезное влияние на устранение причин совершения именно данной, а не любой другой группы преступлений, выполняя, по сути, роль мер безопасности, столь распространенных в западноевропейском уголовном праве и законодательстве.

Обсуждение

Представляется, что сущность обеих мер – и ссылки, и высылки – идентична. Обе они направлены на исключение виновного из той части социума, которая может быть подвержена негативному информационному влиянию, связанному с нивелированием роли и статуса государства, власти и всех ее институтов. Обе меры способны существовать не номинально, а вполне реально оказывать влияние не просто на виновного, а на устранение причин совершенного им ранее преступного посягательства определенной направленности. Что важно, и высылка, и ссылка относятся к первой классификационной группе за счет единого критерия ее выделения, а именно, изоляции виновного в результате их применения и, как

⁵ Крайне важную по этому поводу мысль высказывает, В. Е. Квашиш, указывающий, что культура противодействия преступности предполагает «...опережающий характер этой деятельности». И далее: «Само по себе правовое мышление, как известно, консервативно; оно направлено на выполнение задач по поводу прошлого». В то же время, отмечает ученый, объективно она должна быть направлена в будущее, «...оценка ситуации в условиях текущего момента «завтра» может оказаться ошибочной, т.к. ситуация в этой сфере крайне изменчива...» [9].

⁶ Следует отметить, что кардинальность демонстрируемой позиции подкрепляется современным состоянием преступности и ее производительности, в том числе от факторов геополитического свойства. В сложившихся условиях современная уголовно-правовая доктрина зачастую продуцирует еще более жесткие подходы и конкретные меры в рамках их реализации.

следствие, ограничения или полного устранения возможности у виновного оказывать влияние на общественное сознание.

Все иные меры уголовно-правового характера в той или иной степени строятся на ограничениях и лишениях базовых конституционных прав и свобод человека, которые при этом далеко не всегда связаны с изоляционным аспектом. Соответственно, вторую группу исследуемых мер образуют ограничения нерепрессивного свойства, которые при этом не связаны с физической изоляцией виновного (либо критерий изоляции, несмотря на его наличие, не является доминирующим) и направлены в большей части на ограничение возможности получения и распространения информации – то есть это иные меры уголовно-правового характера, суть которых никак не связана с исключением виновного из социума, имея совершенно иную, хотя и также ограничительную, направленность.

В частности, это могут быть его политические права (как следствие, лишение виновного его политических прав либо политического статуса (в первую очередь, его права быть избранным на государственные должности, должности, связанные с доступом и возможностью распространения информации, в том числе и закрытого характера, и пр.) [14, с. 16–20; 15]; различные виды экономической деятельности в случае, если ранее (или в будущем) такая деятельность была (или, может быть, будет) направлена на поддержание и развитие антигосударственных настроений и движений (запрет на осуществление экономической деятельности, связанной с государственными закупками (гособоронзаказ), запрет на работу журналистом в средствах массовой информации либо ведение телеграм-каналов, блогов, страниц в социальных сетях, которые могут быть приравнены к СМИ⁷); исключение возможности или ее существенное ограничение в части распространения информации среди детей, подростков и молодежи (студентов) в виде запрета на осуществление педагогической деятельности в области социальных и гуманитарных наук в образовательных организациях среднего, средне-специального и высшего образования⁸. Это могут быть в том числе и меры, связанные с некоторым ограничением виновного в его личной свободе, но не влекущие его изоляции (лишения права на свободное передвижение как в границах страны, так и по территории проживания).

Безусловно, это могут быть и иные ограничения, установленные в рамках административного надзора, но применяемые в строго определенных случаях, специально предусмотренных, именно как иные меры уголовно-правового характера. Впрочем, это совершенно необязательно должно быть административное законодательство. С не меньшим успехом в качестве таковых мер могут выступать уголовно-процессуальные средства, имеющие пограничный характер, но также имеющие отношение к обеспечению правосудия за посягательства на интересы Российской Федерации⁹. Данный перечень ограничений, конечно, не носит исчерпывающего характера (наверное, и не может носить), однако именно он следует из тех причин и условий, которые влекут за собой совершение преступлений данной направленности. Именно перечисленные меры способны оказывать влияние на устранение этих причин, что является первоочередной задачей всего государственного механизма по противодействию преступности в целом. Если методологически подходить к интересам государства как к некоторой системе ценностей, то не менее оправданной будет оценка всех средств принуждения, применяемых за посягательства против нее, также с позиции некой системы, имеющей межотраслевой характер.

Нельзя в данном случае не согласиться с М. С. Жуком, который отмечает, что приоритетом при совершенствовании отечественного уголовного законодательства

⁷ Ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/a3cba9a7c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5/?ysclid=lrhcecgib368355414 (дата обращения: 11.10.2023).

⁸ По аналогии с тем, как это уже установлено в части запрета на занятие педагогической и трудовой деятельностью, в связи с наличием судимости. Речь идет о тех, кто совершил преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, против общественной безопасности. Также, к педагогической деятельности не допускаются лица, имеющие не снятую или непогашенную судимость за иные умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, которые не указаны выше. См. ст. ст. 331, 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 16 сентября 2023 г.).

⁹ В частности, проф. К. В. Муравьев, указывает на необходимость таких мер уголовно-правового воздействия иного характера, имеющих при этом уголовно-процессуальную правовую природу, как: задержание, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, а также принудительное помещение в медицинскую организацию для производства стационарной судебной экспертизы. Безусловно, современная доктрина способна предложить и что-либо некарательного свойства именно для предупреждения преступлений, посягающих на интересы государства. См.: *его*: Указ. соч. С. 84–85.

должны быть исключительно интересы общественной безопасности¹⁰, что уже само по себе исключает догматизм в выборе средств уголовно-правового воздействия, в том числе и иного характера¹¹. Как раз наоборот, нужно говорить об адаптивности уголовно-правового воздействия к стремительно изменяющимся условиям бытия, к трансформации среды, требующей соответствующего внимания со стороны государственного механизма, требующего появления в качестве его элементов принципиально новых средств и эффективных вариантов реагирования [4, с. 38]. Особенно это важно на фоне того, что современная уголовная репрессия, по мнению М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, «...не в полной мере отвечает целям обеспечения безопасности личности, общества и государства, ввиду несоответствия реализуемого уголовно-политического курса объективным социальным и криминологическим условиям» [4, с. 249].

Заключение

Приведенный перечень предлагаемых мер из второй подгруппы формируемой нами классификации, несмотря на относительно более мягкий характер, чем высылка или ссылка, на самом деле несет в себе достаточно серьезный не карательный, но принудительно-ограничительный потенциал. При этом вся мощь принудительной части обеспечивается за счет самого статуса мер подобного рода, надления их уголовно-правовой природой, а ограничительная за счет их содержания, включающего в себя вполне конкретные средства воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений против интересов Российской Федерации и затрагивающих при этом такие же права и свободы личности, как и наказание. Другие объемы этого воздействия, иные формы реализации, а соответственно, и функции¹², разноплановые задачи, стоящие перед ними, разные последствия по итогам применения, и в то же время заложенная в них уголовно-правовая идея в сочетании с необходимостью сокращения объема именно репрессии с одновременной потребностью в точечном, но максимально эффективном влиянии на причины совершенного преступления, делают данные меры крайне важными средствами противодействия преступности.

В свою очередь, именно эффективность такого воздействия становится возможной за счет ухода от идей мести и возмездия, присущих репрессии (наказанию), и перехода к культивированным на Западе идеям обеспечения безопасности, причем обеспечения безопасности любыми средствами и без особого разделения на отрасли права с максимально широким представлением о том, что представляет собой правосудие и каким целям оно служит. Такой подход обеспечивает достижение того результата, который нужен государству в определенный момент времени, позволяя действовать быстро, быть гибким в принятии решения, а соответственно и оказывать действенное сопротивление новым формам преступных проявлений.

Список литературы

1. *Аристархова Т. А., Малахвей Е. Д.* К вопросу о преступлениях экстремистского характера, совершаемых с использованием сети «Интернет» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4-2. – С. 75–82.

2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Уголовное наказание как фактор формирования культуры и средство разрешения культурного конфликта / Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 30 сентября 2016 года. – Краснодар: Издательство: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. – Т. 1. – С. 15–20.

3. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Уголовная политика как преодоление неопределенности в уголовном праве / Онтология и аксиология права : материалы

¹⁰ См.: Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дис... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 14.

¹¹ Одним из ярких примеров принципиально нового решения государства к тем, кто совершает именно преступления против интересов государства в условиях проведения специальной военной операции на Украине, является пример реакции по отношению к жителю Камчатки (ранее гражданину Украины), лишенному гражданства Российской Федерации в сентябре 2023 г. Это произошло в связи с тем, что он «...неоднократно размещал в социальной сети «ВКонтакте» призывы к насильственным действиям: расстрелу, убийствам, сожжению всех россиян и представителей органов власти». См.: Жителя Камчатского края лишили гражданства РФ за призывы к экстремизму [Электронный ресурс] // Новости Интерфакс: сайт. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/923818> (дата обращения: 17.10. 2023).

¹² См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление: академический курс в 10 томах. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. проф. Н. А. Лопашенко. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – Т. 3. – С. 625–626.

IX Международной научной конференции. – Омск, 25–26 октября 2019 г. Омская академия МВД России / отв. за вып. Д. В. Попов. – Омск, 2019. – С. 36–39.

4. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики : монография. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. – 296 с.

5. *Бавсун М. В., Николаев К. Д., Самойлова С. Ю.* Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 239 с.

6. *Жук М. С.* Пути совершенствования системы институтов российского уголовного права // *Lex Russica*. – 2015. – № 4 [Электронный ресурс] // Cyberleninka: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovershenstvovaniya-sistemy-institutov-rossiyskogo-ugolovnogo-prava> (дата обращения: 17.10.2024).

7. *Каминская В. И.* Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // *Советское государство и право*. – Москва: Наука. – 1968. – № 10. – С. 28–35.

8. *Harrison Karen.* Managing High-Risk Sex Offenders in the Community. – Willan, 2010. – 336 p.

9. *Квашиц В. Е.* К проблеме культуры противодействия преступности / Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 30 сентября 2016 года. – Краснодар: Издательство: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. – Т. 1. – С. 20–24.

10. *Миллюков С. Ф., Никуленко А. В.* Некоторые направления российской уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 2 (6). – С. 86–99.

11. *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. – Омск : ОМА МВД России, 2017. – 226 с.

12. *Похмелькин В. В.* Социальная справедливость и уголовная ответственность. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1990. – 175 с.

13. *Рахманова Е. Н.* Депортация: преступление или процедура / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти проф. С. Ф. Кравцова): материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Издательство: Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016. – Т. 1. – С. 92–94.

14. *Щедрин Н. В., Франкевич М.* Унификация профессиональных запретов // *Законность*. – 2008. – № 3. – С. 16–20.

15. *Щур-Труханович Л. В., Щур Д. Л.* Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/blank_izvescheniya_s_razyasneniem_poryadka_vozmescheniya_vreda%252C_svyazannogo_s_ugolovnym_presledovaniem./?ysclid=lrhejcfi4538916614 (дата обращения: 11.10.2023).

References

1. *Aristarkhova T. A., Malakhvey Ye. D.* K voprosu o prestupleniyakh ekstremistskogo kharaktera, sovershayemykh s ispol'zovaniyem seti «internet» // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki*. – 2017. – № 4-2. – S. 75–82.

2. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Ugolovnoye nakazaniye kak faktor formirovaniya kul'tury i sredstvo razresheniya kul'turnogo konflikta / Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnodar, 30 sentyabrya 2016 goda. – Krasnodar: Izdatel'stvo: Federal'noye gosudarstvennoye kazennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii», 2016. – Т. 1. – С. 15–20.

3. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Ugolovnaya politika kak preodoleniye neopredelennosti v ugolovnom prave / Ontologiya i aksiologiya prava : materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. – Омск, 25–26 oktyabrya 2019 g. Omskaya akademiya MVD Rossii / отв. за вып. Д. В. Попов. – Омск, 2019. – S. 36–39.

4. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Problemy rossiyskoy ugolovnoy politiki : monografiya. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Prospekt», 2019. – 296 s.

5. *Bavsun M. V., Nikolayev K. D., Samoylova S. Yu.* Konfiskatsiya imushchestva v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 239 s.

6. Zhuk M. S. Puti sovershenstvovaniya sistemy institutov rossiyskogo ugolovnogogo prava // Lex Russica. – 2015. – № 4 [Elektronnyy resurs] Cyberleninka: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-sovershenstvovaniya-sistemy-institutov-rossiyskogo-ugolovnogogo-prava> (data obrashcheniya: 17.01.2024).

7. Kaminskaya V. I. Okhrana prav i zakonnykh interesov grazhdan v ugolovno-protsessual'nom prave // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – Moskva: Nauka. – 1968. – № 10. – S. 28–35.

8. Harrison Karen. Managing High-Risk Sex Offenders in the Community. – Willan, 2010. – 336 p.

9. Kvashis V. Ye. K probleme kul'tury protivodeystviya prestupnosti / Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnodar, 30 sentyabrya 2016 goda. – Krasnodar: Izdatel'stvo: Federal'noye gosudarstvennoye kazennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii», 2016. – T. 1. – S. 20–24.

10. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Nekotoryye napravleniya rossiyskoy ugolovno-pravovoy politiki v sfere silovogo protivodeystviya prestupnosti // Biblioteka ugolovnogogo prava i kriminologii. – 2014. – № 2 (6). – S. 86–99.

11. Murav'yev K. V. Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya – osobyie sredstva ugolovno-pravovogo vozdeystviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya : monografiya. – Omsk : OMA MVD Rossii, 2017. – 226 s.

12. Pokhmelkin V. V. Sotsial'naya spravedlivost' i ugolovnaya otvetstvennost'. – Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo universiteta, 1990. – 175 s.

13. Rakhmanova Ye. N. Deportatsiya: prestupleniye ili protsedura / Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra (pamyati prof. S. F. Kravtsova) : materialy yezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo: Sankt-Peterburgskogo universiteta Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2016. – T. 1. – S. 92–94.

14. Shchedrin N. V., Franskevich M. Unifikatsiya professional'nykh zapretov // Zakonnost'. – 2008. – № 3. – S. 16–20.

15. Shchur-Trukhanovich L. V., Shchur D. L. Pozhiznennyy zapret litsam s prestupnym proshlym na rabotu s det'mi: analiz sodержaniya, otsenka sorazmernosti i rekomendatsii po soversheniyu yuridicheskikh deystviy [Elektronnyy resurs] // Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus»: sayt. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/blank_izvescheniya_s_razyasneniem_poryadka_vozmescheniya_vreda%252C_svyazannogo_s_ugolovnym_presledovaniem./?ysclid=lrhejcifi4538916614 (data obrashcheniya: 11.10.2023).

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted November 14, 2023; approved after reviewing December 8, 2023; accepted for publication January 10, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.